

РЕЙЧЕЛ
ХОКИНС

Новая
увлекательная
история от Рейчел
Хокинс, автора
популярной саги
«Проклятая
школа»!

ЩАТЪЖНА
КРАСОТКА

ЩАТЪЖНА
КРАСОТКА

РЕЙЧЕЛ
ХОКИНС

Annotation

Старшеклассница Харпер Прайс готовится получить корону королевы школьного бала... но совершенно неожиданно становится обладательницей могущественной силы древнего клана паладинов, чья миссия – защищать оракулов. Только вот беда: оракулом, которого суждено оберегать Харпер, оказывается зануда Дэвид Старк, без конца подкалывающий ее в школьной газете.

И хотя поначалу паладин и оракул постоянно ссорятся, вскоре выясняется, что Дэвид прячет под колкостями тайную любовь к недоступной красавице Харпер... Но ей некогда думать о чувствах: таинственные враги ежеминутно готовятся нанести им удар...

Рейчел Хокинс
Мятежная красotka
Роман

Rachel Hawkins

Rebel Belle

© Rachel Hawkins, 2014

Школа В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Если подумать, не забудь я взять блеск для губ на Осенний бал, ничего бы и не произошло.

Заметила мои неприлично блеклые губы Би Франклин. Мы стояли возле Академия-Гроув, нашей школы. Октябрьский вечер выдался на удивление прохладным – здесь, в Пайн-Гроув, штат Алабама, зачастую даже на Хеллоуин жарко, но в тот вечер пришла самая настоящая осень, даже пахло по-осеннему, дымком. Идеальная для меня погода – я накинула шерстяной жакет, а что может быть печальнее вспотевшей девчонки? Под жакетом скрывалось розовое обтягивающее платье длиной до колен. Если я стану королевой бала – наверняка стану, – то выглядеть должна стильно. А классическое платье и жемчуг мне в этом помогут.

Я потерла плечи ладонями.

– Нервничаешь? – спросила Би.

Она тоже выбрала розовое, но ближе к пурпурному. Лиф платья украшали крошечные блесочки, словно дрожащие в свете фонарей. Или так дрожала Би. Она-то жакет не надела.

Наши спутники, Брэндон и Райан, искали, где припарковаться. Они сердились, что мы с Би хотели появиться в школе не раньше чем за полчаса до вручения короны. Нельзя рисковать, пока корона не окажется моей: пунш на платье прольют, макияж размажется, да и вспотеть я могу, жакет шерстяной все-таки. А на фотографиях в выпускном альбоме я должна выглядеть сногшибательно.

– Все и не волнуюсь, – ответила я.

Так оно и было. Разве что самую малость.

Би закатила глаза.

– Серьезно? Харпер Джейн Прайс, ты ни разу не смогла меня провести, аж с того случая с Барби во втором классе! Признай, ты в панике. – Она сложила указательный и большой пальцы в характерном жесте. – Хоть ка-а-апельку?

Я рассмеялась и схватила ее за руку:

– Ни ка-а-апельки. Всего-то Осенний бал.

– То-то ты на корону нацелилась. Или бережешь нервы для Котильона?

Как раз от этого слова у меня мурашки по коже и пробежали. Однако признаться я не успела. Би изумленно распахнула глаза:

– Божечки, Харпер! Губы!

– Что с ними? – Я поднесла руку к лицу.

– Они же без блеска совсем... прямо голенькие!

– Кто тут голенький, а?

Подожли парни. Желтый свет фонаря играл на рыжих волосах Райана. Он сунул руки в карманы и усмехнулся. От его вида у меня все внутри затрепетало – неизменное чувство с первого дня нашей встречи давным-давно, в третьем классе. Заполучить Райана Брэдшоу мне удалось только спустя шесть лет. Впрочем, ожидание того стоило.

– Мои губы, – ответила я. – Скорее всего, я еще в кафе стерла с них блеск.

– Вот черт, – произнес Райан, обнимая меня за плечи. – Я надеялся на что-то поинтереснее. Правда, раз нет блеска, то можно...

Он наклонился ко мне и поцеловал, достаточно целомудренно. Для меня выразить

чувства при всех – пошло, и он, как идеальный кавалер, это знал.

– Ну, девчонки, добились своего? – проговорил Брэндон, когда мы оторвались друг от друга. Он обнимал Би со спины, сложив руки под ее выдающимися... хм. А его подбородок едва виднелся из-за ее плеча, Би девушка высокая. – Парковаться пришлось в конце гребаной улицы.

Стоит отметить, Брэндон сказал другое слово. Но история моя, и ругани здесь не место. И вообще, если цитировать Брэндона, получится типичный набор фраз из документалки про полицейских.

– Не выражайся! – выпалила я.

– Харпер, ты чего, училка? – закатил глаза он.

Я поджала губы.

– Просто считаю, что так выражаться следует только в крайних случаях. Место для парковки за сто ярдов от школы – пустяк.

– Виноват, ваше высочество.

Би ткнула его локтем под ребра. Он насупился.

– Полегче, братан. – Райан бросил на него предупреждающий взгляд.

– Есть блеск? – обратилась я к Би, не обращая внимания на Брэндона. – Я, похоже, свой не взяла...

– Моя девушка забыла о макияже? – Райан насмешливо вскинул бровь. – Паришься из-за короны?

– Не-а, – тут же отозвалась я.

Соврала, понятное дело. Райан с извиняющимся видом поднял руки.

– Ладно, ладно, прости. Конечно, для тебя это очень важно, иначе бы ты не потратилась так на прикид. – Он снова улыбнулся и покачал головой. Челка упала ему на глаза. – Очень надеюсь, что твои аппетиты уменьшатся, если мы поженимся.

– Да уж, старик. – Брэндон дал пять Райану. – Чики нас разорят.

Би снова закатила глаза. Непонятно, то ли из-за парней, то ли из-за того, что мой прикид стоил больше тысячи долларов. Знаю, тратить столько на платье для Осеннего бала семнадцатилетней девочке просто смехотворно. Но я могу его надеть еще миллион раз – если, правда, не наберу лишнего веса. Ну, так я все обрисовала для мамы.

– Держи.

Би сунула мне в руку тубик. Я поднесла его к глазам и прочла название:

– «Лососевая фантазия»?!

– Ближе к твоему оттенку. – Би откинула светлые волосы, заплетенные в «рыбий хвост».

– У меня «Коралловое мерцание». Вообще другой.

Би скорчила рожицу, мол, терпит она меня только потому, что мы с пяти лет лучшие подруги.

– Надо же придумать – «Лососевая фантазия»!.. – не успокаивалась я. – Кто вообще фантазирует о лососе?

– Те, кто чпокает рыбу? – расхохотался Брэндон.

Райан постарался не улыбнуться, но уголки губ у него дрогнули.

– Как умно, Брэн, – пробормотала я, и теперь, без всяких сомнений, Би закатила глаза именно из-за парней.

– Слушай, – сказала она мне, – или «Фантазия», или блеклые губы. Выбирай.

Я вздохнула:

– Ладно. Только теперь надо найти туалет.

Райан распахнул двери спортзала, и я проскользнула под его рукой внутрь. Сразу же донеслись первые ноты песни «Милый дом Алабама». Без нее не обходится ни одна вечеринка.

Зал украсили великолепно. Меня распирало от гордости. Все, и даже Райан, считают, что я помешалась на школьных делах. Честное слово, я люблю это место. Люблю корпуса из красного кирпича, колокола, что звонят в начале и конце урока, – не электронные звонилки, как в обычных школах. Люблю, что мои родители ходили в эту школу, и их родители тоже. Может, я и гну здесь спину, но оно того стоит. Школа отличная, и мне нравится думать, что это благодаря и моим стараниям. Если уж и будут вспоминать фамилию Прайс в стенах Академия-Гроув, пусть думают обо всем хорошем, что я сделала. А не об... ином.

Я огляделась. Формально подготовка Осеннего бала – моя задача, ведь я – глава самоуправления учащихся (между прочим, впервые главу выбрали из одиннадцатиклассников!). Но в этот раз я перепоручила обязанности своей протеже, Люси Маккэррол, президенту десятых классов. А я лишь запретила бумажные гирлянды и арки из воздушных шаров. Безвкусица.

Люси постаралась на славу. Стены задрапировали фиолетовой тканью, установили светомузыку, вокруг фонтанчика поставили круглые столики. Я выискивала в толпе Люси и, когда поймала ее взгляд, подняла вверх большие пальцы и произнесла одними губами: «Молодец!»

– Харпер! – услышала я и обернулась.

Ко мне спешили близняшки Фостер. Различить сестер легко: Аманда заплетала длинные каштановые волосы, а Эбигейл носила их распущенными. Обе надели платья на тонких бретельках, Аманда темно-зеленое, а Эбигейл светло-зеленое. Фостеры, как и мы с Би, были чирлидерами; Эби входила в самоуправление учащихся. За близняшками на высоких каблуках ковыляла Мэри-Бет Райли.

– Может, она наденет кроссовки? – глубоко вздохнув, тихонько пробормотала Би.

Но Мэри-Бет все равно услышала:

– Ничего, к Котильону выучусь!

Фамилия Райли по алфавиту сразу после Прайс. Значит, Мэри-Бет должна спускаться по огромной лестнице в особняке «Магнолия-Хаус» (там ежегодно проходил Котильон) за мной. Мы репетировали уже дважды, и оба раза она чуть не падала на меня сверху. Поэтому я и предложила ей носить каблук каждый день.

– Кстати. – Аманда тронула меня за руку. Даже макияж не скрывал россыпь веснушек у нее на носу. Еще один способ различать сестер – у Эби веснушек нет. – Прямо перед выходом мы заметили, что мисс Старк прислала нам e-мейл. В понедельник днем новая репетиция.

Я подавила вздох. В понедельник после школы у меня собрание для будущих бизнес-лидеров. В четверг?... Нет, там тренировка чирлидеров, а в среду – заседание самоуправления. Ладно, если Сэйлор Старк говорит снова репетировать Котильон – все репетируют. Остальное подождет.

– На-до-е-ло! – запрокинув голову, простонала Мэри-Бет. Темно-рыжие волосы упали назад, открывая уши. Она надела чересчур большие серебряные серьги-кольца. – Да, Котильон! Ну, наденем белые платья. Ну, спустимся по лестнице, выпьем пунша, потанцуем с папами. А потом похлопаем друг другу и притворимся, что ни разу это не глупо, и не старомодно, и вообще кому-то надо...

– Мэри-Бет! – возмутилась Аманда, а Эбигейл оглянулась по сторонам, будто мисс Старк вот-вот выскочит из-за угла.

Би еще шире распахнула и без того огромные глаза, беззвучно открывая и закрывая рот.

– Неправда! – крикнул кто-то.

Оказалось... я. Мне пришлось глубоко вздохнуть и очень постараться говорить спокойно:

– В смысле... Мэри-Бет, пойми, Котильон не просто танец в белых платьях. Это традиция! Как... наше превращение из девочек в женщин. Это... важно.

Мэри-Бет закусил губу.

– Ладно, может быть. – Она пожала плечами и усмехнулась. – Посмотрим, как тебе понравится наше превращение в свалку внизу лестницы.

– Все будет хорошо.

Я месяцами готовилась к коронации на Осеннем балу. Однако Котильон... к нему я готовилась с четырех лет! С тех самых пор, как мама показала мне и Ли-Энн, моей старшей сестре, свое платье. Я помню его гладкий шелк. Платье принадлежало маминой бабушке. Мама сказала, что однажды и Ли-Энн, и я его наденем. Ли-Энн надела его два года назад. Но у меня на Котильон другое платье – мы с мамой купили его прошлым летом в городке Мобил.

– Детка? – позвал Райан.

Я с улыбкой повернулась. Кто-то из девчонок вздохнул. Скорее всего Мэри-Бет. И стоит признать, было от чего вздохнуть: прямая осанка, руки в карманах, рыжие непослушные волосы... Он подошел, и я протянула ему руку. Он сразу же взял мою ладонь в свою.

– Дамы, – произнес Райан, кивая Аманде, Эбигейл и Мэри-Бет, – дайте угадаю. Хотите... захватить власть над миром?

Мэри-Бет захихикала и покачнулась на каблуках. Печальное зрелище. Эбигейл пришлось схватить ее за локоть и поддержать.

– Нет, – очень серьезно ответила Аманда. – Мы говорим про Котильон.

– А-а, ну да, власть, Котильон. Та же фигня, – улыбнулся Райан, и на этот раз засмеялись все, даже Аманда. Райан повернулся ко мне и вскинул брови: – Мы так и будем стоять под убойные песни «Линэрд Скинэрд» или все-таки потанцуем?

– Ага. – Рядом с Райаном появился Брэндон. Он схватил Би за талию. – Ща как зажжем!

Брэн вытащил Би на танцпол и сразу же шлепнулся на живот, чтобы станцевать «червячка». Би оставалась при нем, хотя чувствовала себя явно неловко. Я в который раз задумалась, зачем она тратит время на такого идиота.

Мой куда более воспитанный бойфренд потянул меня к ним, но я отпустила его руку и показала блеск для губ.

– На минутку! – прокричала я сквозь музыку.

Райан кивнул и удалился к столику с напитками.

На выходе я оглянулась. Брэндон и его друг по баскетбольной команде танцевали вместе: один изображал рыбку на крючке, а другой рыбака. Ужас.

Почти все уже успели собраться в зале, но все равно приходили опоздавшие. Учителя, миссис Делакура и мистер Шмидт, тщательно проверяли карманы и сумочки. В Академия-Гроув с этим строго. Два года назад несколько ребят протащили бутылку спиртного на выпускной, а потом попали в автокатастрофу. Моя сестра... Я одернула себя. Не сегодня.

Находиться в школе вечером непривычно. Единственный источник света в холле – стенд со спортивными наградами. На многих из них имя Райана. Вообще мы славимся

академическими успехами... и фееричными провалами в спорте. Академия-Гроув, как и всякая дорогая частная школа, куда больше вкладывает в сферу учебы, чем в спортивные достижения. Футбольные чемпионаты мы уступили Ли-Хай, огромной государственной школе на другом конце города.

По вечерам здесь стремно. Наверное, из-за тишины. В коридорах всегда оглушительно шумят ученики, а сейчас стук каблучков по линолеуму отдавался эхом, будто кто-то за мной следовал. Я поспешила свернуть в коридор с классами английского языка и столкнулась с каким-то парнем.

– Ой! Прости! – воскликнула я – и тут же пожалела о сорвавшихся извинениях.

Если я бы сразу узнала Дэвида Старка, я бы его пнула или даже острым каблучком прошлась. Я выдавила из себя улыбку, хотя меня чуть ли не колотило. Он меня порядком напугал. Дэвид сердито глянул поверх идиотских хипстерских очков. Ну, таких, в широкой черной оправе. Ненавижу их. Мы в двадцать первом веке живем, можно что-то помоднее выбрать?

– Смотри, куда прешь, – сказал он и ухмыльнулся. – Или макияж глаза застилает?

С каким удовольствием я послала бы его подальше! Но главе самоуправления учащихся нельзя никому грубить. Даже гаду, написавшему не одну, а целых три крайне нелестные статьи в школьную газету о том, какой хреновый из тебя организатор. И особенно, если вышеупомянутый гад – племянник Сэйлор Старк, главы Юношеской лиги и Сообщества по улучшению Пайн-Гроув, председательницы Школьного совета, а что самое важное – распорядителя ежегодного Котильона. Я через силу улыбнулась:

– Спешу просто. А ты... э... на бал пришел?

– О нет! – Он фыркнул. – Уж лучше себе причиндалы дверью шкафчика прищемить! Над газетой надо поработать.

Попытка не измениться в лице с треском провалилась, и Дэвид рассмеялся:

– Спокойно, босс, про тебя пока ничего.

Лучшего времени выговорить ему все за поганые статейки не могло и быть. Конечно, имен он не упоминал. Вряд ли миссис Лоран, куратор газеты, позволила бы полить меня грязью напрямую. Но Дэвид написал, что «нынешнее руководство» больше волнуют танцы и парады, а не реальные проблемы учеников школы. И якобы в самоуправление теперь может попасть только ограниченный круг лиц.

Что сказать? Не я виновата, если никто не хочет заниматься развитием школы. И какие проблемы у наших учеников? Все из прекрасных семей, не то чтобы мы тут страдали от социальных проблем... А вдруг Дэвид страдает? Да он почти всю жизнь в Пайн-Гроув и вообще живет у своей тетки в едва ли не лучшем доме в городке. Или проблемы у Дэвида вовсе не из-за социального неравенства в Академии, а из-за нашей взаимной ненависти? Началась она аж в детском саду. Даже раньше. Мама говорит, я еще в яслях его кусала...

Прежде чем я успела ответить, музыка в зале стихла. Я глянула на часы. Без четверти десять. Черт.

Дэвид снова мерзко рассмеялся.

– Беги, Харпер, беги, – сказал он, перекинув сумку-почтальонку с одного бедра на другое.

Ага. Почтальонка. И очки. И идиотский свитер с ромбиками. И кеды-«конверсы». Почти все парни в Гроув не вылезали из хаки или брюк. Сомневаюсь, что у Дэвида Старка были другие штаны, кроме джинсов на размер меньше нужного.

– До твоей коронации всего ничего, – произнес он и пуше прежнего взлохматил себе светлые волосы. – Смотри не опоздай к тому моменту, как тебя начнут славить и... *возвеличивать*.

На этом слове Дэвид меня уделал в финале конкурса на знание орфографии в шестом классе. И спустя столько лет он все равно не преминет упомянуть его в любом разговоре. Мысленно я сосчитала до десяти и заодно вспомнила вечный ответ мамы на мои жалобы: «Его родители умерли, когда он был совсем крохой. Сэйлор делает для него все, но такая травма даром не проходит, вот он и ведет себя грубо». Раз уж он все-таки сирота, я просто процедила сквозь зубы «приятного вечера» и направилась в ближайшую уборную.

Дэвид пожал плечами и пошел по коридору в сторону компьютерного класса.

– Губы накрасить не хочешь? – крикнул он мне вслед.

– Ага, спасибо, – пробормотала я, но он уже скрылся.

Божечки, что за скотина!.. Я толкнула дверь в туалет. Если в коридоре каблуки стучали громко, то здесь тем более. Как и одежда на мне, туфли тоже были слегка перебором – но скорее из-за высоты каблука, чем из-за цены. Сама я ростом пять футов шесть дюймов, а эти коварные штучки добавляли мне еще дюйма четыре.

Глядя в зеркало, я поняла, почему Би так ужаснули мои губы без блеска. Кожа бледная, поэтому без него они сливались с лицом. А так я выглядела хорошо. Даже отлично. Визажистка из «Диллардс» замечательно подчеркнула большие зеленые глаза. Темные волосы струились по спине; их зачесали назад, и они оттеняли высокие скулы. Тщеславно, знаю. Но красота стала валютой. Не только в Академии, а вообще в жизни. Конечно, я не такая сногшибательная красотка, какой была моя сестра, Ли-Энн... Нет. Не буду.

Я раскрутила тюбик «Лососевой фантазии», вновь содрогнулась от названия и поднесла к губам. Не настолько он хорош, как «Коралловое мерцание», но сойдет.

Только я нанесла второй слой, дверь распахнулась и так ударила в стену, что я подпрыгнула. И мазнула линию от уголка рта до самого уха.

– Черт! – воскликнула я и топнула ногой. – Брэндон, что...

Понятия не имею, почему я решила, что это он. Наверное, потому что пытаться так напугать меня очень в его стиле.

Но это оказался не Брэндон. А мистер Холл, уборщик. Он застыл в дверях и уставился на меня, будто не понимал, кто я. Или что я.

– Боже, мистер Холл. – Я прижала руку к груди. – Вы до смерти меня напугали!

Он все пялился на меня диким взглядом. А потом развернулся и захлопнул дверь. Раздался громкий щелчок замка. Толстый уборщик мистер Холл запер нас в туалете.

Ладно. Ладно, я справлюсь. Страх острыми когтями впился мне в сердце.

– Мистер Холл!.. – начала я тонким, дрожащим голосом.

Он махнул рукой, прижавшись ухом к двери. На его ботинки по каплям стекала кровь.

– Мистер Холл! – крикнула я и бросилась к нему.

Каблуки заскользили по плитке. Я их скинула и подбежала к Холлу. Он сполз на пол, побледнев. Лицо его стало похожим на восковую маску. И вообще он казался скорее тряпичной куклой, чем живым человеком. Дышал прерывисто. На лбу и над верхней губой выступил пот. А по пухлому животу расплзлось темно-красное пятно. Я опустилась рядом на колени. Пульс громко стучал в висках.

– Все будет хорошо, я позову кого-нибудь, и все будет хорошо...

Но едва я потянулась к замку, мистер Холл дернул меня за лодыжку, и я с визгом приземлилась прямо на задницу.

– Нет! – выдавил он. Потом закрыл глаза и глубоко вдохнул через нос, будто пытался успокоиться. – Нет, – повторил он чуть окрепшим голосом. – Не открывай, ага? Просто... просто помоги встать.

Я уставилась на него сверху вниз. Мистер Холл весит явно прилично. Как я это сделаю? И все же я уперлась в стену, подхватила его под руки, и каким-то чудом у меня получилось поднять его и прислонить к двери кабинки.

– Послушайте, мистер Холл. Надо позвать кого-нибудь на помощь. У меня даже телефона с собой нет, а вы, – я глянула на липкое красное пятно у него на животе, – серьезно ранены. Нужно позвонить девять-один-один, и...

Он меня не слушал и расстегивал рубашку. Я приготовилась было увидеть здоровенную рану, но совсем не ожидала, что там окажется... окровавленная подушка. Мистер Холл заворчал, дернул что-то у себя на спине, и подушка бесшумно соскользнула на пол. Я увидела рану. Действительно серьезную. А ведь мистер Холл... не толстый. Просто накладной живот таскает. Зачем Холлу притворяться толстым? Маскировка? Зачем она уборщику?!

Но прежде чем я успела хоть что-то спросить, он застонал и с закрытыми глазами снова сполз вниз. Я опустилась с ним, по-прежнему придерживая его за спину.

– Мистер Холл!

Он не отозвался. Я хлестнула свободной рукой ему по щеке так, что его голова мотнулась в сторону. Глаза он открыл, но словно не видел меня перед собой.

– Мистер Холл, да что происходит?! – Мой крик эхом отразился от стен.

Я вся дрожала и вдруг поняла, как мне холодно. Из программы по анатомии и физиологии я вспомнила, что это признак шокового состояния. В глазах потемнело, но я держалась. Нельзя падать в обморок. Я не упаду в обморок.

Мистер Холл наконец посмотрел на меня. Кровь, пусть уже не так сильно, толчками вытекала из раны, тянувшейся от пояса штанов цвета хаки до пупка. На полу уже была целая лужа.

– Как... как... тебя зовут? – проговорил он в несколько приемов.

– Харпер. – У меня в глазах стояли слезы, а к горлу подкатывала тошнота. – Харпер Прайс.

Он кивнул и чуть улыбнулся. Я никогда раньше не присматривалась к нему. На самом

деле он и не старый, а глаза у него темно-карие. Красивые.

– Харпер Прайс, ты... главная тут. По слухам. Защити... – Мистер Холл умолк и закрыл глаза, но сразу открыл – я снова хлестнула его по щеке. – А ты сильная, – пробормотал он.

– Мистер Холл, пожалуйста, скажите, что с вами? Почему нельзя открыть дверь?

– Присмотри за ним, ладно? – Его взгляд стекленел. – Проследи, чтобы с ним... все было в порядке.

– С кем? – переспросила я, но он мог и не со мной разговаривать. Говорят, у людей перед смертью мозг выделяет странные штуки.

За дверь грохнуло. Я взвизгнула, а мистер Холл схватился за дверцу кабинки, будто хотел подняться.

– Идет, – выдохнул он.

– Кто?! – крикнула я.

Какой-то кошмар. Пять минут назад меня заботило только, подойдет ли блеск к платью. Теперь я на полу в туалете держу за руку умирающего, а какой-то псих ломится в дверь.

Мистер Холл умудрился сесть, и на секунду я подумала, что все не так плохо. Ну, может, рана не такая тяжелая, хотя кровь ту подушку аж насквозь пропитала. Или это отлично подготовленный розыгрыш.

Однако у мистера Холла дела были плохи: губы побелели, начали синеть, а дыхание прерывалось. Он повернул голову и посмотрел на меня. В глазах у него стояла такая печаль, что я расплакалась.

– Прости, Харпер, – произнес он так четко, как не говорил с момента появления здесь.

Я думала, он о том, что умрет и бросит меня на милость... что уж там с той стороны двери. А он глубоко вдохнул, подался вперед, схватил меня за щеки и накрыл мои губы своими. Я попыталась отодрать его пальцы от своего лица, но хватка была слишком сильной. Стало больно. Я приглушенно повизгивала – для крика боялась раскрыть рот.

А потом что-то холодное – у меня еще сильнее брызнули слезы – потекло в рот и дальше вниз по горлу. Я замерла. Мистер Холл не пытался меня поцеловать. Он будто задувал мне ледяной воздух, от которого покалывало в легких, как во время пробежки в разгар зимы.

Слезы все текли, руки разжались и повисли вдоль тела. В груди горело, словно я слишком долго пробыла под водой. Зрение затягивала пелена тумана. Темнота заполняла все, а я думала о сестре, и как родителям станет тяжело, если я тоже умру.

Не знаю, что подействовало – эти мысли или нежелание, чтобы меня запомнили мертвой на полу в женском туалете, да еще и под уборщиком, – но вдруг я почувствовала всплеск силы. Адреналин выстрелом пронесся по телу, туман рассеялся. Я схватила Холла за запястья и дернула. Он скатился с меня.

Я глубоко вздохнула. Хотя в уборной слегка пованивало, я как никогда радовалась возможности дышать. Меня трясло, я хватала воздух ртом и тупо сидела, прислонившись к дверце кабинки. Снаружи все еще грохотало, но шум казался таким далеким, будто ко мне не имел никакого отношения.

Я глянула на мистера Холла. Он лежал на спине, уставившись в никуда. Мертвый. Грохот за дверь прекратился.

В груди жгло, в животе покалывало, будто я объелась конфет-шипучек. Руки и ноги налились тяжестью, голова кружилась. Я медленно поднялась, стараясь не задеть лужу крови, что растекалась из-под тела уборщика. Колготки не испачкались, несмотря на случившееся. А кстати, что вообще случилось?!

Я заставила себя снова посмотреть на мистера Холла. Ужасную, глубокую рану ему нанесли явно средневековым мечом или подобной штукой, но это ведь невозможно, правда? Наверное, поранился о какую-то опасную машину для уборки.

Чем больше я так думала, тем больше успокаивалась. Все же лучше, чем думать, что за дверью маньяк с мечом наперевес. Дело просто в неисправном механизме. Из какой-то машины сорвалось лезвие – и резануло мистера Холла. Вот откуда шум за дверью. Мистер Холл не успел устройство отключить, и оно крутится по коридору. Надо выбираться отсюда и найти учителя. Все будет в порядке.

Я посмотрелась в зеркало. Кожа побледнела, почти как у мистера Холла. Блеск на губах теперь смотрелся слишком ярко и дешево.

– Все будет хорошо, – сказала я своему отражению.

У двери я наткнулась на ту странную подушку, которую мистер Холл приматывал к себе. Ах да, зачем ему накладной живот? У меня мозги закипели от попыток придумать правдоподобную причину. Особенно связанную с версией об одержимой демонами технике.

Ладно, мистер Холл оказался моложе. И красивее. Зачем маскироваться? По программе защиты свидетелей? Или от алиментов прячется? Было в нем что-то еще, странное... Я оглянулась на тело, готовая к тошноте или обмороку, но ничего не почувствовала, кроме того жжения в груди. Что-то в его лице показалось мне странным, когда он... поцеловал меня?

Стараясь не влезть в кровь, я наклонилась и прикоснулась к его бороде. И мой папа, и дедушка носят бороды, но на ощупь они не такие. Я скользнула пальцем под его левым ухом и поняла почему. Подделка. Качественная, плотно приклеенная, но все равно подделка. Яглянула на его голову и заметила отрастающую щетину на лысине. Значит, мистер Холл не был ни толстым, ни бородатым, ни лысеющим.

– Вот дерьмо-то, – прошептала я.

Тут-то я поняла, насколько испугалась. Я никогда не ругалась вслух, даже в одиночестве. Девушки себя так не ведут. Но я не могла придумать ни одного объяснения происходящему, как ни изображала из себя криминалиста местного разлива. Нет, лучше убраться подальше из чертова туалета и найти учителя, или полицейского, или экзорциста. Кого угодно.

У двери я поняла, что забыла в раковине блеск. В голове все еще была каша, и несмотря на труп на полу, я подумала о том, что Би этот уродский блеск любит. И мне надо его хватать, пока он не стал вещественным доказательством. Я подбежала к умывальнику.

Смешно – даже если блеск для губ и втянул меня в эту историю, то он же и спас мне жизнь. Если бы я за ним не вернулась, то оказалась бы возле двери, когда ее разнесло взрывом, впечатав обломки в стены.

И если бы это не раскатало меня в блинчик, то я угодила бы прямо под ноги влетевшего мужика с длинным изогнутым клинком наголо. Меч назывался скимитар – помню из уроков истории доктора Дюпона о Второй мировой войне.

Так что благодаря блеску для губ я оцепенела возле умывальника, когда вошел маньяк с мечом, и все в моей жизни окончательно перевернулось с ног на голову.

Из-за поднявшейся пыли мужчина где-то с минуту не замечал меня. Он опустился на колени рядом с телом мистера Холла. Я наблюдала, не шелохнувшись, как он обшарил карманы уборщика, а не найдя ничего, быстро встал и тихо выругался.

А потом он обернулся:

– Харпер?!

– Доктор Дюпон?!

Удивляться, почему учитель истории убил уборщика, было некогда, хотя на ум пришла шутка, насколько же доктор Дюпон ненавидит неубранный мусор – ну, эдакий прием, чтобы он увидел во мне человека, а не потенциальный шашлык. Так нас учили на занятии по самообороне, мы туда с мамой сходили прошлой весной.

Но шутка застряла в горле, потому что доктор Дюпон в два скачка пересек уборную и приставил мне к шее меч.

Тут-то все и закрутилось. Знаю. Мертвый замаскированный уборщик, историк-убийца, куда уж хуже?

Есть куда. Поверьте.

Доктор Дюпон приставил мне к горлу меч – в смысле, скимитар, – но я не испугалась. Вот совсем. В груди только защекотало, и это была... сила. Руки, словно чужие, схватились за эфес, как раз над кистями учителя. Я рванула меч, пропуская смертоносное лезвие между рукой и телом. Дюпон так удивился, что даже не выпустил клинок. Как я и планировала. Хотя откуда взялся план – непонятно. Явно не из того унылого занятия по самообороне, где меня научили, как пнуть парня коленом между ног. Поверьте, девчонки моего возраста и так это умеют. Нет, я дралась совершенно иначе – ловко и мощно. Будто покинула тело и смотрю со стороны, как тяну учителя прямо к себе.

Между ног я ему не дала, хотя не исключала такой шаг. Вместо этого я... уф, даже неудобно... врезала ему лбом по голове. Ага, как типа футбольный фанат. Он схватился одной рукой за, вероятно, сломанный нос.

Моя рука оставалась на эфесе, поэтому я протащила учителя мимо себя и направила в стену головой вперед. Открылся путь к двери, но почему-то я не сбежала. Однозначно, все это кунг-фу было... ну, типа крутым. Как я так научилась – непонятно. Может, опять адреналин, как когда я отпихнула мистера Холла? Но я не то чтобы развлекалась. Скорее, будто не могла уйти. Будто я должна продолжать поединок, пока в живых не останется только один. Ну вот, говорила же, будет хуже.

В розовом платье, я замерла на низком старте. Доктор Дюпон обернулся. На лице запеклась кровь. Уставился он на меня с выражением весьма нигилистическим (а на этом слове я сделала Дэвида Старка в конкурсе на знание орфографии в пятом классе). Тяжело дыша, он посмотрел на тело мистера Холла, потом снова на меня и мерзко расхохотался.

– Значит, тебе передал, – прохрипел Дюпон, изогнув окровавленные губы в злой усмешке. – Что ж... храни тебя Господь, – протянул он, коряво передразнивая мой акцент.

И двинулся в сторону, к кабинкам, держа меч направленным на меня.

– Худшего варианта и придумать невозможно, – учитель по-прежнему улыбался, – чем тупая краля, которая написала доклад по истории туфель.

А вот это обидно! Я долго трудилась над докладом. И он не о туфлях, а о том, как мода влияла на политику. Пусть я и люблю одежду, макияж, туфли, но я никак не тупая краля. Выкуси, доктор Дюпон. Я почти ляпнула это, но передумала. В таком дурдоме Дюпон вполне мог принять мои слова за приглашение... ну... в самом деле, откусить от меня кусок.

– Скажи, Харпер, ты теперь суперсилой какого-нибудь юношу с собой на выпускной потащишь? Или станешь капитаном чирлидеров?... Впрочем, ты столько не проживешь.

Он снова ринулся с мечом наперевес, но я была готова. Развернулась спиной к нему и ушла вниз, так что меч просвистел у меня над головой. Я уперлась руками в пол и выбросила левую ногу вперед и вверх. Ступня попала Дюпону точно в челюсть.

– Я и так капитан чирлидеров, – процедила я.

И пока Дюпон не успел прийти в себя, крутанулась и той же ногой подсекла его. Падая, он разбил голову о раковину. Я решила, что все, конец, и встала. Платье оказалось разорвано от низа до середины бедра.

– Вот д... дрянь, – пробормотала я, мрачно глядя на обмякшего Дюпона.

До меня наконец дошло, что определенно стоит выбираться и искать учителя-неманьяка, хотя интуиция почему-то не давала мне уйти. Доктор Дюпон сказал про «суперсилу» – мол, мистер Холл мне что-то передал. Значит, вот что он мне вдунул. Впрочем, разобраться можно и позже. Сейчас надо бежать отсюда, пока Дюпон не очнулся.

Руки и ноги начинали болеть. Завтра буду вся в синяках. А кроме того, из-за этого кошмара я наверняка пропустила коронацию! Клянусь, если...

Закончить мысль не удалось. От острой боли в затылке брызнули слезы. Дюпон схватил мои густые волосы в кулак, дернул назад, да так сильно, что чуть скальп не снял, и швырнул к умывальникам. Левый локоть зацепил угол столешницы, и меня накрыла волна тошноты. В глазах все еще сверкали звезды, когда Дюпон врезал мне в живот кулаком и вышиб из легких весь воздух. Я скорчилась на полу, задыхаясь и кашляя. В груди опять жгло, теперь от недостатка кислорода.

Я лежала и следила за блестящими черными туфлями Дюпона, пока он прошел в угол и подобрал отброшенный скимитар.

«Вот я и умру здесь», – пронеслась смутная мысль. Учитель истории прирежет меня странным мечом, и никто не узнает, что случилось. Родители потеряют вторую дочь на школьной вечеринке. Взгляд у мамы станет еще печальней, лицо у папы сильнее исхудает, а дома будет совсем тихо и пусто.

Теперь внутри болело вовсе не из-за удара. Подступили жгучие слезы, и я закрыла глаза. Доктор Дюпон говорил и говорил, но я мало что слышала. Он сказал что-то вроде «не в то время, не в том месте» и странное слово, начинавшееся на «пал». Паладин? Это что? Да пусть хоть по-китайски говорит, – единственное, на чем я могла сосредоточиться, были жжение в груди и боль в животе.

Я открыла глаза и увидела опущенный меч, поблескивающий под лампами дневного света. Я слегка повернула голову, чтобы не смотреть, как Дюпон занесет клинок. И тут на глаза попало что-то розовое... моя туфля! Я сняла туфли, когда помогала мистеру Холлу. Видимо, они оказались под умывальником.

Пока Дюпон говорил, я нацелилась на блестящую, розовую, такую нелепую среди разрушений и смерти туфельку и подтащила ее к себе. Доктор Дюпон рассмеялся.

– Боишься погибнуть без надлежащих аксессуаров? Приятно знать, что ты до самого конца остаешься глупой сучкой.

Но она мне понадобилась не для красоты. Я перекатилась на спину, медленно подтягивая колени. Не лучшая поза для девушки, но мне нужен упор. Я прижала туфельку к груди и пробежала пальцем по шпильке, вспоминая, как хотела наступить Дэвиду Старку на ногу.

Дюпон поднял меч. Я сдержала улыбку. На самом деле, если бы я достаточно сильно наступила на ногу Старку, то шпилька прошла бы насквозь. Такая она острая. И если бы Дюпон не поднял меч обеими руками, то в общем-то убил бы меня. Ну, точно не дал бы шанс сделать то, что я задумала. Потому что пока он держал руки над головой, готовый обрушить меч, я оттолкнулась от пола и подпрыгнула, зажав в руке туфлю.

Меч все еще висел в воздухе, а я резко вонзила шпильку учителю в горло, прямо под челюсть. О сонной артерии я узнала на уроках анатомии и физиологии. Надо же, пригодилось! И странно, что я все-таки попала в цель.

Доктор Дюпон тоже, наверное, удивился. Он распахнул глаза. Меч с лязгом упал на пол.

Учитель уставился на меня, открывая и закрывая рот, как рыба. Розовая туфелька торчала из шеи. Это было бы вроде как смешно, если бы не было, ну, ужасно мерзко и страшно. Доктор Дюпон выдернул каблук из шеи, и кровь полила из раны толчками. Он долго смотрел на туфельку, будто не понимал, что это.

– Розовая... – Туфелька выпала из руки, и он рухнул на пол. Взгляд остекленел.

Тишину нарушали только мое дыхание и равномерное «кап-кап» из крана. Осознание приходило где-то с минуту, а когда пришло – все стало плохо. Я только что убила учителя. Туфлей. Я подбежала и подняла ее, содрогаясь от алых потеков на каблуке. Потом схватила целую кучу бумажных полотенец и стерла кровь. Дышала я все чаще и чаще.

– Ладно, – пробормотала я. – Это самооборона. У него был меч.

Я поскребла каблук, чувствуя себя той еще леди Макбет. Самооборона или нет, а я убила человека. Беда. Я глянула в зеркало. Кроме раскрасневшихся щек и горящих глаз ничего не изменилось. Даже прическа не растрепалась. Надо будет рассказать мисс Бренде, машинально подумала я. Потом дошло: вряд ли стоит рассказывать парикмахерше, что ее прически держатся, даже если вышибать дух из учителя с мечом.

Покончив с очисткой каблука от крови, я бросила бумажное полотенце в мусорник и осмотрелась. Тело мистера Холла лежало возле кабинок, доктора Дюпона – чуть дальше. На плитке, куда Дюпон угодил головой, красовались большие трещины. Дверь уборной кусками валялась на полу под приличным слоем мелкой крошки и разломанной плитки.

Не задумываясь, я натянула туфельку и похромала к мусорнику, где нашла вторую. Думаю, именно тут пора было уже начать кричать, но я просто... оцепенела. Ну, уж точно не испугалась, как должен человек, увидевший смерть двоих (а одного вообще прикончивший своими руками... вернее, своей туфлей).

Меня еще наполняло то странное чувство – усиленный в сотни раз адреналин. Наверное, оно и удерживало от нервного срыва. Я перешагнула через обломки двери, вышла из уборной и задумалась, почему меня до сих пор никто не ищет. Я пробыла здесь по меньшей мере полчаса. Я посмотрела на часы. Прошло только одиннадцать минут с тех пор, как я врезалась в Дэвида Старка.

Чем больше я отдалялась от туалета, тем сильнее у меня дрожали ноги. Я почти добралась до холла, даже расслышала, как вокалист группы произнес: «Ну что, через пару минут мы объявим королеву бала. Подходите ближе, дамы!» И именно в этот момент у меня в желудке что-то опасно дрогнуло. Я развернулась и побежала назад.

Каблуки застучали по полу. Божечки, божечки, только не думать о каблуках, не думать о шпильке, как она из шеи торчала!

Надо было бежать через коридор с классами истории – не возвращаться же в ту уборную, где мистер Холл и доктор Дюпон... Нет, не успеть.

Я вспомнила, что в коридоре с классами английского две уборных, и ворвалась в мужской туалет, как раз напротив женского. Парень возле умывальника удивленно воскликнул: «Что за фигня?!», но я даже не глянула. Я вбежала в кабинку, в общем-то радуясь, что она без дверей.

И меня сразу вывернуло наизнанку.

– Охренеть! – воскликнул тот парень.

Он зашел ко мне в кабинку и убрал мои волосы с лица и шеи. Это оказалось очень приятно. Меня даже не смутило, что какой-то парень видит, как я, Харпер Джейн Прайс, глава самоуправления учащихся, капитан чирлидеров, будущий бизнес-лидер Америки и без

пяти минут королева Осеннего бала, выплевывая собственные кишки в мужском туалете.

Когда тошнота отпустила, меня еще трясло, и я чувствовала себя опустошенной, зато полегчало. Сильно полегчало.

– Держи. – Парень протянул мне пучок влажных, прохладных бумажных полотенец. Я с благодарностью прижала их к мокрому от пота лицу. А таинственный парень приложил еще полотенца к шее сзади, по-прежнему придерживая мои волосы.

Не отрывая лица от полотенец, я потянулась и смыла воду.

– Спасибо, – пробормотала я сквозь влажный комок.

– Нет проблем. Так ты залетела?

Я подняла голову и уставилась в голубые глаза Дэвида Старка. Конечно.

– Нет.

Я попыталась подняться на ноги в узкой кабинке так, чтобы он не увидел мои трусики. Дэвид нагнулся и подхватил меня за локоть.

– Шутка. Не знаю никого, кроме тебя, кто уж точно не окажется на передаче «Беременная в шестнадцать». – Говорил он вроде искренне, но я все равно стряхнула его руку.

Я вышла из кабинки и подошла к умывальнику. Рот прополоскала, наверное, раз двадцать. Когда я закончила, Дэвид достал из своей дурацкой почтальонки упаковку мятных леденцов и молча протянул мне несколько штук.

– Спасибо, – снова произнесла я. Благодарить Дэвида Старка второй раз подряд!..

Он пожал плечами, глядя на меня со странным, почти хищным выражением. У любого другого парня этот взгляд означал бы желание залезть под юбку, но сомневаюсь, что Дэвид вообще о таком думает. Наверняка просто сочиняет сенсационную статейку для идиотской школьной газетенки о том, почему «босс» блевала в мужском туалете прямо во время Осеннего бала.

– Знаю, ты не пила... – Он замолчал и кашлянул. – Так что, отравилась?

– Нет, – ответила я снова. – Просто сейчас объявят королеву бала, и я нервничаю. Сцены боюсь.

На мой взгляд, отличная отмазка, однако Дэвид рассмеялся:

– Ага, конечно! Тебе дай волю, ты бы сцену зацеловала! Дело явно в другом.

Он вновь уставился на меня голодным взглядом, и до меня дошло, что причина моей тошноты буквально напротив. Я опять затряслась. Дэвид чудом не заметил выломанную дверь в женский туалет, когда вошел сюда. И уж точно не пропустит, когда выйдет, ведь Дэвид самый умный из моих знакомых. Он видел, что я шла в женский туалет, потом заметит трупы и точно сложит два плюс два. Причем с удовольствием. Дэвид напишет триллион статей о моем крахе и суде, еще и награды за них получит. Интересно, школьным газетам дают Пулитцеровскую премию?

– Ну, так или иначе соберись, тебе еще корону получать, – проговорил он, собираясь на выход.

– погоди! – крикнула я, хватая его за руку.

– Чего? – раздраженно бросил он.

– М-м... Просто я... м-м... просто хочу сказать тебе спасибо.

– Да пожа... хм, нет проблем.

Дэвид открыл дверь, и я замерла, ожидая, что он заорет или типа того, когда увидит разрушения. Но услышала лишь удаляющиеся шаги и мягкое поскрипывание кедров.

Божечки, он не заметил?!

А потом я вышла из туалета и поняла, почему он ничего не увидел. Нечего было видеть. Дверь на месте. Целая.

Остальное я запомнила смутно, потому что свято верила, что свихнулась. Я вошла в уборную и даже не удивилась, что там пусто. Ни намек на трупы, лежавшие – я проверила по часам – еще шесть минут назад на месте. На стенах ни трещин, ни вмятин размером с голову доктора Дюпона. Я даже полезла за бумажным полотенцем, которым оттирала туфельку от крови, однако в мусорнике ничего не было.

Я то ли вздохнула, то ли ахнула, в общем, издала странный тоненький звук. И у меня совершенно точно случился бы нервный срыв, если бы в дверь не заглянул Дэвид Старк.

– Э-э... босс, снова тошнит?

Я повернулась, и ухмылка сползла с его лица.

– Охренеть. – Он пересек уборную и схватил меня за руки. – Харпер? Что случилось?

Я заметила свое отражение в зеркале. Понятно. Глаза у меня расширились и остекленели, а кожа посерела. Правда, мне было по фиг. Я ведь свихнулась. Сошла с ума. Отчего-то это расстроило сильнее, чем мысль, что я превратилась в супергероя, который может расправиться со злобным доктором Дюпоном одним каблуком.

– Харпер? – Дэвид слегка меня встряхнул.

Вот тут я и сломалась бы и выдала всю историю о мистере Холле и докторе Дюпоне в перерывах между всхлипами и рыданиями, но, к счастью, в этот момент дверь в уборную распахнула Би.

– Боже, вот ты где! – воскликнула она.

Ее голос отразился от кафельных стен и больно ударил по ушам. За Би стояли Аманда, Эбигейл и Мэри-Бет. Они заметили Дэвида, и их обычно симпатичные мордашки презрительно скорчились. Не только я не в восторге от передовиц Старка.

– Что ты делаешь в женском туалете, писака?

Би – верная подруга, но иногда ее заносит, особенно когда дело касается Дэвида. Интересно, я когда-нибудь сверлила его таким же взглядом?

– Ты что, преследуешь Харпер? – Аманда скрестила руки на груди.

Дэвид отшатнулся, и вся его забота, естественно, испарилась. Зато вернулся привычный хмурый вид.

– Да, Аманда, именно. – Он попытался впихнуть руки в карманы своих слишком узких джинсов. – Преследую. Как мило и изящно ты меня опустила.

Аманда закатила глаза, как всегда, когда не находила язвительного ответа.

– Эй, Харпер, что с тобой? – изумилась Би.

– Ей плохо. – Дэвид все-таки засунул руки в карманы и уставился куда-то поверх меня.

– Конечно, она ж с тобой поговорила! – сорвалась Эбигейл.

– Эби, – одернула ее я, но Дэвид расхохотался.

– Приятно было пообщаться, дамы, – произнес он, направляясь к выходу.

– Он что-то сделал с тобой? – спросила Би, как только он вышел.

Я засмеялась:

– Нет, просто... просто я, кажется, заболеваю. А он проверил, как я. Это было даже мило.

Мэри-Бет проковыляла ко мне и нахмурилась.

– Наверняка потому, что он чего-то хотел. Не верю я ему вот вообще.

Тут я наконец-то заметила корону, болтавшуюся у Би в руке. Искусственные камушки тускло блестели под лампами дневного света.

– Это?... – пискнула я и начала еще раз: – Это та самая корона?

Би уставилась на нее, будто совсем позабыла:

– Да! Поэтому я тебя и искала. Она твоя!

Би радостно взвизгнула и бросилась обниматься. Я вроде как обняла ее в ответ, но на самом деле почувствовала опустошенность. Я все пропустила. Я так мечтала об этом, с тех пор как Ли-Энн завоевала корону два года назад! И пропустила из-за приступа шизы в туалете.

– Мы обыскались, когда объявили твое имя, – продолжала Би, не замечая мою апатию.

– Обыскались? – тупо повторила я.

– Ну, в зале. Райан попросил меня выйти на сцену и принять корону от твоего имени. А потом я вспомнила, что ты ушла в туалет. Вот я тебя и нашла. – Би поджала губы и наклонила голову набок. – Seriously, Харпер, что с тобой? Выглядишь отвратительно. Без обид.

Я закрыла ладонями лицо.

– Говорю же, – пробормотала я приглушенно, – мне стало плохо.

Я опустила руки и попыталась широко улыбнуться, хотя, наверное, все равно выглядела безумной. Чувствовала я себя точно безумной.

Би недоверчиво на меня покосилась, а Эбигейл забрала корону и с радостной улыбкой водрузила мне на голову:

– Теперь другое дело, ваше величество!

Я обернулась к зеркалу. Лицо по-прежнему серое, глаза огромные, а корона – глупая и поддельная. Еще и погнулась.

Я заплакала.

Девчонки окружили меня и обняли. Я сначала подумала, они утешают меня, как-то догадавшись о событиях этого ужасного вечера: я решила, что убила мужика, а на самом деле просто тронулась. А вид гребаной короны стал последней каплей.

Но Эбигейл воскликнула:

– О, милая, да! Мечта сбылась!

– Что ты знаешь о шизофрении? – пробормотала я Райану в губы.

– А? – Он поднял затуманенный взгляд, не убирая руки с подола моего платья.

Мы сидели в его машине возле моего дома. Уже было за полночь, но светло благодаря просто неприличному количеству охранного освещения. Несколько лет назад кто-то попытался вломиться в дом, и с тех пор мой отец стал, мягко сказать, параноиком. Правда, если бы не наш большой дом из кирпича, увитый плющом и буквально кричащий «ЭЙ, НАРОД! У ЖИЛЬЦОВ ТУТ КУЧА БАБЛА! БЕРИТЕ ЧТО ХОТИТЕ! ОНИ ПРОСТО КУПЯТ ЕЩЕ!», то беспокоиться было бы не о чем.

Корона валялась на полу. Я сняла ее, едва вышла из школы, хотя Райан шутил, что я стану носить ее сутки напролет. Брэндон юморил: как я буду с короной во время секса и как надо правильно «приветствовать» королеву? Но а) что за бессмысленный прикол, и б) еще и тупой в придачу.

– Просто вспомнила, – объяснила я Райану. – Ты же писал работу по психологии в прошлом году?

Райан моргнул. В тусклом свете его светло-карие глаза казались почти черными. Он ослабил темно-зеленый галстук и стянул пиджак. Обычно стоило ему принять эдакий

взъерошенный вид, и у меня коленки начинали дрожать. Но не сегодня. Другие проблемы полностью отвлекали от этого сексуального зрелища.

Райан пересел обратно на водительское сиденье и провел рукой по волосам.

– М-м... ага. В смысле, честно говоря, я взял одну из работ Люка за первый курс.

Люк – его старший брат, учится в Университете Флориды. Я нахмурилась. Райан криво усмехнулся.

– Включился Комитет по борьбе с плагиатом? – поинтересовался он. – Я-то надеялся, что раз встречаюсь с его председателем, то избегу подобной участи.

– Не-а, комитет тут ни при чем. – Я потеряла глаза. – Просто... погоди, Рай, ты использовал чужую работу? На спецкурсе?!

Он вздохнул и скрестил руки на руле.

– Дело было в самый разгар баскетбольного сезона. Времени писать о психах не хватало. И работа не чужая, а Люка. Мы братья, значит, она типа наполовину моя.

Он шутил, и я искренне хотела посмеяться, даже закусила губу, чтобы не сорвалась та фраза, но бесполезно.

– Райан, игра в баскетбол в худшей команде в Алабаме не поможет поступить в хороший колледж!

– Началось... – пробормотал он, ткнувшись затылком в подголовник.

– Если ты сжульничал на спецкурсе, то уж наверняка не попадешь в Хэмпден-Сидней. Колледжи очень серьезно относятся к плагиату.

Он фыркнул, однако глаз не поднял.

– Обязательно говорить об этом сейчас? Знаю, ты идеальная, но...

– Не идеальная, – проворчала я, откидываясь на спинку.

Меня проглючило, что я убила учителя туфлей. Это покруче украденной работы, и я уж точно не попаду в хороший колледж.

– Нет, – поднял голову Райан, – ты идеальная. Или стремишься к идеалу. Послушай, я тебя люблю, но почему везде надо быть первой? Почему нельзя просто... расслабиться?

В прошлом году мама отправила меня к психотерапевту после того, как в три часа ночи застучала за приготовлением украшений для весеннего фестиваля. Доктор Гринбаум объяснила, что я «из кожи вон лезу», потому что «боюсь потерять контроль». И мне надо, как Райан и сказал, расслабиться. Она, конечно, говорила как-то по-умному и предложила таблетки для большего расслабления. Соскочить с лекарств у меня получилось, надев голубые джинсы и футболку на очередную консультацию. Кажется, доктор Гринбаум обрадовалась и решила, что лечиться мне больше не надо. А в следующий раз я уже готовилась к школьным мероприятиям посреди ночи, запершись у себя в гардеробной. Ну правда, что не так с этой страной, раз тебе прописывают антидепрессанты только потому, что ты стремишься сделать все идеально?

А потом я вспомнила, что на самом деле сошла с ума.

– Забудь, – сказала я Райану. – Не хочу ссориться. Просто у меня очень плохой вечер.

– Расстроилась, что пропустила церемонию? – Райан наклонился и поднял мою корону.

Мой идеальный парень сам придумал идеальную отмазку. Конечно, он решил, что я расстроилась из-за этого...

– Ага. – Я постаралась принять скорее грустный, чем испуганный вид. – Знаю, глупо...

– Эй... – тихо произнес Райан. – Все нормально. Смотри. – Он взял корону и мягко опустил ее на мою голову. – Харпер Джейн Прайс, я торжественно объявляю тебя королевой

Осеннего бала! – Он наклонился и поцеловал меня, мило и нежно.

Одна из самых лучших черт Райана – пару минут назад мы ссорились, но стоило мне извиниться, как он все забыл. Я-то могу обижаться до бесконечности. Промелькнул образ Дэвида Старка, однако я постаралась выбросить его из головы. Сегодня Дэвид оказался весьма милым – ну, по сравнению с обычным поведением; наверное, стоит с ним помириться. Но очень странно думать о Старке, целуясь с бойфрендом.

Райан отстранился. Я с улыбкой прикоснулась к его щеке ладонью:

– Ты самый лучший парень в мире, знаешь?

Он пожал плечами:

– Ага, догадываюсь.

Он подсел ближе и снова меня поцеловал, на этот раз явно рассчитывая на продолжение. Которого мне совершенно не хотелось.

– Сумасшедшая была ночь... может, не будем? – Я мягко оттолкнула его.

Надеюсь, прозвучало с сожалением, а не с раздражением. Райан вздохнул, взъерошил упавшие на глаза волосы, но улыбнулся.

– Конечно. – Он посмотрел вниз и нахмурился. – Ох черт, детка, прости.

– За что?

Он прикоснулся к моей ноге:

– Юбка. Я, должно быть, ее случайно порвал.

Я снова чуть не ударилась в истерический плач/смех. Райан медленно скользил пальцем вверх-вниз по разорванному краю платья. Порвала я его, когда дралась с доктором Дюпоном. Но откуда рваная юбка, если все происходило у меня в голове? Как такое возможно? Невозможно ведь?

И все же... тихий голосок нашептывал: если я все вообразила, почему внутри до сих пор ощущение, какое бывает после конфет-шипучек? Почему мышцы напряжены, и такое чувство, что, пожелай я, смогла бы выбить дверь машины?

– Не волнуйся. – Я старалась говорить спокойно, хотя на самом деле горела желанием сбегать в гараж и попробовать поднять отцовский джип. Эксперимента ради.

Мы целовались еще минут десять. Райан скорее всего почувствовал, что мыслями я далеко, но ничего не сказал. Наконец он проводил меня до крыльца, чмокнул на прощание, и я вздохнула с облегчением, когда его машина скрылась из вида.

Впрочем, домой я не пошла. Я шмыгнула за дом, к деревянному забору у нас во дворе (если пол-акра можно назвать двором). Забор, увитый колючими кустами, возвышался на шесть футов. Когда мне было лет шесть, Ли-Энн взяла меня на слабо€, что я не залезу наверх. Я забралась, наверное, на фут, и в ладони вонзились шипы. До сих пор остался шрам у основания большого пальца правой руки. Стоит ли говорить, что я больше не пыталась покорить забор?

В ушах отдавался стук сердца, по телу бегали мурашки.

«Просто попробуй...» – думала я.

«Ничего не было! – кричала более разумная часть меня. – Ни тел! Ни разрушений! Даже чертова бумажного полотенца!»

Я уставилась на порванную юбку. Конечно, я могла размахивать руками-ногами в воздухе, раз совсем с катушек слетела. Но если...

Хватит думать. Я стянула розовые туфли-убийцы, перекинула их через забор. Каждая мышца напряглась.

И я прыгнула.

Я вцепилась в верхушку забора, ноги болтались над землей. Прыжок достойный, но я чирлидер, к этому привычная. Пока никаких суперсил. Хорошо хоть на шипы не нарвалась. Я глубоко вздохнула. Сейчас мне предстоит узнать, было сегодня что-то или нет. В любом случае жизнь кардинально изменится. Я медленно подтянула согнутые ноги к груди. Руки даже не дрожали под весом тела. Я оттолкнулась и в воздухе выпрямила ноги. Платье закрыло голову; если бы соседи проснулись и выглянули, то увидели бы кое-что поинтереснее обычной гимнастики. Я опустила ступни на забор рядом с ладонями. По сути, это был самый опасный «мостик» в мире. А ведь элемент мне никогда не давался, несмотря на годы чирлидерских тренировок. Теперь я выполнила его идеально. Тело словно не принадлежало мне, как во время боя с доктором Дюпоном. Я отпустила руки и выпрямилась, повернувшись лицом ко двору. Платье упало на место.

– Ну, – буркнула я, – вот и ответ.

Но на всякий случай сделала с забора сальто вперед. И угодила прямиком в бассейн – не рассчитала, оттолкнулась слишком сильно. Впрочем, в бетонную террасу не врезалась – и то хорошо.

Я вынырнула из адски холодной воды. Дорогущее платье испорчено? По фиг! Я супергерой!

– Харпер Джейн!

Улыбка мигом испарилась. Ох, черт... У черного хода стояла в пижаме и халате мама. Должно быть, она сидела на кухне, иначе не добралась бы сюда так быстро. Мама никогда не ждала меня допоздна. Ну почему дождалась именно в ту ночь, когда я решила попрыгать с забора?!

По счастью, она не видела мои трюкачества, потому что спросила только:

– Что ты делаешь в бассейне?!

Пока я выбиралась из ледяной воды, мама сбежала вниз, шлепая босыми ногами по деревянным ступенькам веранды, и набросила мне на плечи свой халат.

– Ты вся синяя, платье испорчено... Ты в своем уме?

– В своем. – Я поплотнее запахнула теплый, пахнущий кофе и лосьоном халат. – Просто решила зайти через черный ход, чтобы вас с папой не будить. Не посмотрела, куда иду, и споткнулась. – Я робко (надеюсь) улыбнулась и кивнула на туфли. Слава богу, они приземлились на бортик бассейна. – Дурацкие туфли. Сама знаешь, как бывает.

Но маму не проведешь. Она нахмурилась:

– А ты... бассейн не заметила, что ли?

Все подводные лампы горели, бассейн светился, как огромная черепаха из драгоценностей посреди темного двора. Сложно не заметить.

– Мам...

Она схватила меня за плечи и развернула к себе:

– Харпер, ты пила?

– Нет! – Я сжала ее руку для убедительности. – Честно.

Мама долго смотрела на меня. Вокруг глаз у нее появились новые морщинки; в тусклом, зеленоватом свете от бассейна она казалась больной. Охватившая меня эйфория сошла на нет. Меня чуть было не убили. Я представила, как мама сидит в халате на кухне, ждет меня, а

я никогда не вернусь. Супергеройство сразу утратило всю прелесть.

– Я в порядке, – повторила я и потянулась обнять ее, но вспомнила, что с меня стекает вода. – Просто... рассеянная и неуклюжая.

Не знаю, поверила она или нет, зато наконец-то улыбнулась и убрала мне за ухо влажную прядь.

– Ладно. Тогда тебе придется поработать, или не только Мэри-Бет выбьет страйк из светских девиц.

Я с облегчением рассмеялась.

Мы вошли в дом, и я заметила почти пустой кофейник.

– И давно ты не спишь?

Мой «комендантский час» начинался только в полночь.

– Не так уж, – скупно ответила мама.

– Она еще не ложилась! – послышался из дверей голос папы.

Волосы у папы – сколько их там осталось – торчали во все стороны, а глаза смотрели сонно. Его клетчатые пижамные штаны и футболка Университета Алабамы вызвали у меня улыбку.

– Ты почему вся мокрая? – спросил он.

– В бассейн упала, – объяснила мама.

В отличие от нее папа отнесся к этому спокойно.

– Осторожней надо, малышка, – сказал он мне и подошел к маме. Он положил ей руку на затылок, притянул к себе и поцеловал в висок.

Наверное, мне должно быть противно, что мои родители до сих пор настолько влюблены (и, честно говоря, иногда противно), но что-то в этом меня утешает. Я подумала о Райане. Интересно, если мы поженимся, то будем ли такими же через двадцать лет?

– Ну что, победила? – спросил папа.

Я с минуту соображала, к чему это он.

– Да, – наконец ответила я. – Только корону забыла у Райана в машине.

Папа прищурился.

– На тебя не похоже. Он тебя, часом, не сбил с пути истинного? Ну, я за ружьем?

– Тьфу, – фыркнула я, а мама пихнула его под ребра.

– Не думаю, что Райана придется с ружьем в руках загонять под венец с Харпер, – подмигнула она мне. Маме нравился Райан, особенно благодаря его поддержке после того, что случилось с Ли-Энн.

– Раз Харпер уже дома, может, поспишь?

Мама улыбнулась, и морщинки вокруг ее глаз стали заметнее.

– Точно все в порядке? – спросила она, остановившись в дверях.

– Только приму горяченький душ!

Мама снова улыбнулась, но почти незаметно и будто грустно. Она скользнула взглядом к открытой гардеробной, где в полиэтиленовом чехле висело мое платье для Котильона.

– Великолепное платье. Жаль, что...

Я затаила дыхание, ожидая слез. Однако сейчас мама только качнула головой.

– Ладно. О, вечером звонила мисс Старк! Будет еще...

– Дополнительная репетиция в понедельник, знаю. – Я потянулась, чтобы расстегнуть молнию на спине. – Аманда и Эбигейл сказали.

Мама помогла мне.

– Конечно, Котильон – это замечательно, но порой мне кажется, что Сэйлор перегибает палку. До нее девчонки, может, раза три все прогоняли. А вы – по три раза в неделю.

Четыре на прошлой. Впрочем, маме я этого не сказала.

– Мисс Старк просто хочет сделать все идеально.

Мама поджала губы и стала похожа на прежнюю себя – веселую, падкую на слухи. Не ждушую меня ночь напролет.

– Котильон проходит в Пайн-Гроув уже пятьдесят лет, и все пятьдесят – как по маслу. Пока им не занялась Сэйлор. Знаешь, сколько Юношеской лиге придется заплатить за одну омелу? Я пыталась объяснить Сэйлор, что даже если Котильон у нас за месяц до Рождества, то все равно не надо превращать «Магнолия-Хаус» в «Омела-Хаус». Дорого же.

Сэйлор Старк, великолепная женщина с серебристо-седыми волосами и безупречными манерами – мой кумир. Я и племянничка ее терплю только потому, что она мне так нравится. Но приятно было видеть прежнюю маму-сплетницу, поэтому я сочувственно кивнула.

– Сейчас она добивается, чтобы мы стояли идеально ровно по кругу.

– Ох, – вздохнула мама. – Ладно, иди в душ и отдыхай.

– Ага! – живо отозвалась я.

За мамой закрылась дверь, и моя улыбка померкла. Как только раздались шаги по лестнице, я мигом выбралась из мокрого платья и шмыгнула в ванную. После душа я натянула пижаму, подхватила ноутбук и направилась в гардеробную. Конечно, вряд ли мама вернется, но пугать ее еще больше не хотелось. К доктору Гринбаум я категорически не собираюсь.

Первым делом я погуглила слово «супергерой» и получила триллион чересчур подробных вики-статей о комиксах «Марвел». Поиск «мистер Холл, уборщик, Академия-Гроув» ничего не дал. Неудивительно. А вот «Майкл Дюпон, учитель истории, Академия-Гроув», на удивление, выдал только его личную страничку на сайте школы. Странно. Все наши учителя высококвалифицированные, большинство из них раньше преподавали в колледжах. Если погуглить любого, найдешь или их книги, или научные публикации, или доклады на конференциях. Про доктора Дюпона – ничего. Слово его не существовало до появления в Академии в прошлом году.

Я вся покрылась гусиной кожей от холода и стянула с вешалки пушистый розовый халат. Завернувшись в него, я вспомнила драку с Дюпоном. Он меня как-то назвал. Я такое странное слово никогда не слышала. Пал-что-то-там...

Я набрала «супергерой пал» в поиске, но наткнулась только на возмутительные фанатские истории об отношениях Бэтмена и Робина. Попробовала изменить на «воин пал» – получила подборку сайтов об игре «World of Warcraft». Я вздохнула и пролистала ниже, уже готовая сдать, когда взгляд зацепился за одно слово – «паладин».

Вот-вот, так он и сказал!.. Я кликнула на ссылку и увидела значение слова. Паладин – благородный рыцарь, поборник благого дела.

– Ску-у-ука, – прошептала я. Лучше бы супергерой.

Час спустя я уже знала почти все, что есть в Интернете о паладинах, но запуталась еще больше. Этим словом называли и высших представителей католической церкви, и французских рыцарей, и воинов – фу! – в ролевых играх.

Все эти значения объединяло одно. Паладины – воители и защитники, и защищают они определенного человека или место.

Я прислонилась к стенке, запахла халат и натянула его по самый подбородок. Может, я научусь летать? Или, на худой конец, лазерами из глаз стрелять?

Как полная дура, я поднялась и сконцентрировалась на двери. Но сколько ни пялилась, никаких лазерных лучей. Даже попробовала тихонько пробормотать «лазер!». Ни-че-го.

Я еще немного попрыгала – вдруг смогу зависнуть в воздухе хоть на секунду? Не сработало. Мелькнула мысль, а не прыгнуть ли в окно, но потом я вспомнила выражение лица мамы, когда она увидела меня в бассейне.

Значит, ни лазеров, ни полетов, зато суперсила и способность неслабо навалить. Хоть что-то.

Я снова опустилась на пол к компьютеру. Глянув на открытые странички, я уже собралась закрыть ту, что о супергероях, как заметила строку жирным шрифтом: «Возможно, главная отличительная черта супергероя – готовность жертвовать ради блага окружающих даже жизнью».

По коже пробежали мурашки. Мистер Холл как раз это и сделал. Пустой треп про огромную ответственность, приходящую с огромной силой, ладно, но смерть?... Жизнь явно ценнее убогих суперсиленок. Лазерные лучи из глаз не стоят того, чтобы попасть под скимитар историка-убийцы.

Но чисто технически мистер Холл не был супергероем. Он был паладином, а это... совсем другое, верно? И в чем заключается его благое дело?

А мое?

Наутро я проснулась рано и поехала в библиотеку, чтобы набрать дисков с фильмами. Выходные я провела, окопавшись в комнате с тремя частями «Человека-паука» и «Людей Икс» и новым «Суперменом». «Бэтмен: начало» у меня уже был, так что я и его посмотрела.

Звонили Би и Райан. Пока я убеждала Райана, что чувствую себя неважно, звонки Би шли на автоответчик. Ужасно нечестно по отношению к ней, но рисковать нельзя. Би не проведешь. В пятницу, когда она повелась на мою «болезнь», мне просто повезло. Обычно ее «радар лучшей подруги» чутко улавливает любую мелочь. Кроме того, уж очень соблазнительно вывалить ей всю историю, а пока я не разберусь с происходящим, лучше так не делать.

Поэтому я погрузилась в расследование и к утру понедельника кое-что таки выяснила. Во-первых, я полностью облажалась с началом становления героем. У каждого супергероя есть своя история. Например, родителей Брюса Уэйна убили, и он типа поехал в Тибет. Супермен – инопланетянин. Спайдермена укусил радиоактивный паук. А я? Поцеловала уборщика в туалете! О, еще! Судя по «Людям Икс», те, кто вроде как знает, что за хрень творится, обычно сами тебя находят, приводят в безопасное место и рассказывают... ну, что за хрень творится. Значит, какая-то организация отправила мистера Холла в Академию с заданием кого-то или что-то защитить. А доктор Дюпон появился, чтобы убить этого кого-то или забрать это что-то. И потом, дабы никто не догадался, сия тайная организация замела следы в туалете при помощи... м-м... магии, что ли? Ладно, я поняла далеко не все.

Теперь надо было отправляться в школу, вести себя как обычно и ждать их появления. Легкотня. Если, конечно, меня снова никто не захочет убить.

Меня всегда подвозит Райан; в воскресенье вечером я ему позвонила и сказала, что в понедельник поеду сама.

– Ладно... – слегка неуверенно ответил он. – Харпер... как ты? В смысле, мы почти не

общались на выходных, и ты говорила, что не очень хорошо себя чувствуешь...

– Со мной полный порядок, – заверила я. – Просто завтра должна быть отличная погода, и я сто лет уже не сидела за рулем.

Пауза затянулась. Я ждала, что Райан предложит мне его подвезти, но он лишь вздохнул.

– Хорошо, понял, – наконец сказал он. – Без проблем.

Я уже положила трубку, но не могла избавиться от чувства, что проблемы все-таки есть. Я достала ежедневник и сделала пометку «Проводить больше времени с Райаном». Ничего, вот разберусь с событиями пятницы – и продолжу нормальную жизнь. Легкотня, да.

Погода в понедельник действительно оказалась чудесной – идеальный осенний денек, такой редкий в Алабаме. Я ехала в школу, опустив стекла, и прохладный ветер ерошил мои волосы. Самое главное, я выяснила, что не сошла с ума, – уже неплохо. Супергерой или паладин, или еще кто – вполне логичная стадия. Разве не я из кожи вон лезла, чтобы сделать Академию безопасной и нескучной? Что бы мне ни пришлось защищать там, скорее всего, я это уже защищаю.

Я въехала на свое замечательное парковочное место – преимущество поста главы самоуправления. Настроение только улучшилось от вида школы, такой красивой под ярко-голубым октябрьским небом. Четыре здания из красного кирпича, большой внутренний двор с каменными столиками и скамейками, где в хорошую погоду любят обедать старшеклассники. Всю композицию обрамляют деревья с листвой поразительных цветов – красной, оранжевой, золотистой. Зазвонили колокола на башенке, и мое сердце чуть не выскочило из груди от гордости.

Я выбралась из машины, пригладила волосы и поправила зеленый обруч. Ученики Академии не носят форму, однако все равно приходится следовать реально строгому дресс-коду: выглядеть опрятно, никаких джинсов, футболок и тем более шорт. Сегодня я надела любимые вещи: зеленая водолазка под цвет глаз и клетчатая юбка с коричневыми ботинками до колен и колготками. Выглядела я отпадно. Поэтому окружающие провожали меня взглядом. Затем я заметила, что они... пялятся. И в руках у них скрепленные листочки – школьная газета. Я стиснула сумку с книгами, откинула голову, заставила себя широко улыбнуться и подошла к ближайшей группке – ребятня на год младше, так что меня все еще побаивались. Все трое мигом спрятали газеты за спины.

– Приветик! – живо проговорила я, прижимая сумку к груди.

– Привет, – эхом отозвались они.

Та, что по центру, с пушистой светлой шевелюрой и большими темными глазами, слегка напомнила мне Би. Остальных я уже встречала где-то в школе. Точно: та, что справа – высокая и рыжая, в коротковатой юбке – пыталась попасть в команду чирлидеров прошлой весной. Никто из них не смотрел мне в глаза.

– В газете есть нечто, что мне стоит узнать? – Я пыталась говорить приветливо и вроде как шутливо. – Часом, не ужасно неприглядное фото, где я после тренировки? Или где кричу на наше самоуправление?

Перевожу: я – капитан чирлидеров и глава самоуправления и сломаю вам жизнь, если захочу. Даже без помощи суперсил. Никогда не использовала свою популярность во вред, но раньше на меня так и не пялились. Так почему бы слегка не напомнить девочкам, кто здесь командует парадом?

Третья, мелкая и белокурая, сломалась и подняла на меня огромные голубые глаза:

– Просто... спецвыпуск про Осенний бал...

Улыбка примерзла к моему лицу. Нет, он не стал бы.

– Можно посмотреть? – спросила я, улыбаясь по-прежнему жизнерадостно.

Та, что смахивала на Би, незаметно покачала головой, но мелкая уже протянула газету. Я взяла ее дрожащими руками.

Мои худшие страхи оправдались. На первой странице спецвыпуска «Ежедневного Гроува» красовалась огромная, пусть и размытая, фотография, где я рыдаю и цепляюсь за Би по дороге из женского туалета. Сфотографировали скорее всего на телефон. А заголовок гласил: «Это ЕЕ день, и она будет плакать, если хочет?» Под фото – подзаголовок. «Королева бала пропустила коронацию из-за таинственных обстоятельств». Сердце заколотилось. «... Пряталась в мужском туалете... сильно больна... напряжение между Королевой и ее «шестеркой», Би Франклин... репортер...»

К этому времени я уже почти задохнулась, глядя на выделенное жирным имя автора.

Дэвид Старк.

Сейчас я его закопаю.

Дело было даже не в унижении – вся школа теперь знает, что меня стошнило и что я плакала в туалете во время бала, – и не в завуалированных намеках, что я беременная или под наркотой. Вероятно, всем уже известно, что мистер Холл и доктор Дюпон пропали. Конечно, в туалете ни пятнышка, но на наличие ДНК я его не проверяла. В кабинете у директора Данна наверняка сидят полицейские и спрашивают, не ведет ли кто себя «странно». И – о, глядите-ка, такая подходящая фотография, где я плачу возле женского туалета!

– Ты как? – спросила высокая. – Ты... побагровела.

Я вздернула голову и улыбнулась. Вернее, оскалила зубы в некоем подобии улыбки.

– Отлично. Просто мы с Дэвидом немного не поняли друг друга. Я возьму?

– Конечно, – ответила мелкая, передавшая мне газету.

– Огромное спасибо!

Я развернулась и зашагала напрямиком в «Уоллас-холл». Однако не успела сделать и нескольких шагов, как меня позвал Райан, бежавший от парковки с газетой в руке.

– Эй! – воскликнул он, поравнявшись со мной, и подхватил под локоть. – С тобой все хорошо?

– Само собой, – проговорила я, пытаюсь выглядеть на «хорошо», а не на «убийственно».

– Почему ты не сказала в пятницу, что заболела?

– Да пустяк. Не хотела раздувать из ерунды проблему. Честно. Просто Дэвид опять ведет себя как сволочь. Я разберусь.

Райан поднял взгляд на «Уоллас-холл» и стиснул зубы.

– Что этому чуваку надо?

– Он скотина.

Не отрываясь от здания, Райан покачал головой, на скулах заиграли желваки.

– Не просто скотина. Он всегда так с тобой, с самого детства. В средней школе я думал, что он в тебя влюбился, но...

– Во-первых, очень сомневаюсь. Во-вторых, иногда люди просто... ну не знаю, рождаются подлыми.

Райан посмотрел на меня сверху вниз и усмехнулся краем губ:

– Может быть. Хочешь, наваляю ему?

Он шутил. К дракам он имел отношение, максимум когда с братом смотрел чемпионат по боям без правил субботними вечерами. Но едва он сказал это, мне будто кто-то в живот двинул – накатило ошеломляющее чувство неправильности.

– Нет! – выкрикнула я.

Райан испугался.

– Брось, Харпер, я ведь пошутил. – Он поднял обе руки – мол, сдаюсь. – Я не из хулиганов, я из любовников.

Странное тошнотворное чувство схлынуло, и я потеряла виски.

– Знаю, прости. В общем, я сама поговорю с Дэвидом. Увидимся на ленче, ага?

– Может, все-таки пойти с тобой? – Райан наклонился и с беспокойством заглянул мне в глаза. Темно-рыжая прядь упала ему на лоб.

От перспективы пойти к Дэвиду с Райаном у меня опять скрутило живот.

– Справлюсь, – вымученно рассмеялась я.

Райан чмокнул меня в щеку и сжал мой локоть.

– Как всегда.

Он расправил плечи и направился куда-то через двор, вышагивая длинными ногами по траве, а я пошла обратно к «Уоллас-холлу». Не знаю, как я выглядела, но должно быть, страшно, потому что люди шарахались в стороны. У большинства в руках я видела газеты, так что наверняка все ожидали, что я сорвусь в истерику. А идея-то хорошая. После странного ощущения во время разговора с Райаном гнев поутих, но шепоток за спиной вновь как следует подогрел его.

Мысленно я обзывала Старка всеми ругательными словами, какие только могла вспомнить, у меня чуть не искры из глаз летели. На двери редакции висело несколько статей, и даже в такой ярости я различила на всех имя Дэвида. Я заскрипела зубами, толкнула тяжелую дверь и вошла.

Из-за линейки компьютеров вдоль дальней стены в помещении было гораздо теплее, чем в коридоре. Но никто из присутствующих за ними не работал. Дэвид сидел на столе и смеялся над чем-то вместе с другими газетчиками, Майклом Голдбергом и Чи Курата.

Пока я мысленно костерила Старка, уже успела продумать всю речь – хвала многозадачности! – о том, что он не просто лично оскорбил меня, но деморализовал и унизил всю школу, ведь когда одного выставляют в плохом свете, то от этого хуже всем. И он что, искренне считает, ему это сойдет с рук? Выпуск он распечатывал на выходных, а значит, за спиной у миссис Лоран. Как минимум его должны в наказание оставить после уроков.

Но почему-то от вида Дэвида, сидевшего на столе, евшего йогурт и смеявшегося с друзьями, я просто сорвалась. В груди поднялось то самое сильное до дрожи чувство. Разумные и спокойные слова напрочь вылетели у меня из головы.

– ЧТО ЗА ХРЕНЬ?! – Я швырнула газету на стол.

У него хотя бы хватило совести, чтобы соорудить огорченное лицо.

– Харпер...

– Нет! – сказала я. Точнее, собиралась сказать. На самом деле я просто взвизгнула.

Майкл дернулся и опустил глаза. Чи, красивая, нежная азиатка (она перевелась к нам в этом году), вскинула брови так высоко, что они скрылись под густой темной челкой. Дэвид встал и выставил перед собой руки в типичном жесте – «утомонись». Но меня уже понесло:

– Зачем ты так поступил?!

Прямо над головой Дэвида висел плакат с пишущей машинкой и цитатой: «Журналистика – ход истории!», и я уставилась на него, лишь бы не смотреть на Старка. Черт, как же пригодился бы лазерный взгляд...

Дэвид вздохнул и взъерошил волосы. Он так делал постоянно, поэтому к четвертому уроку было похоже, что его током шарахнуло.

– Интересный сюжет. Я считаю, учащиеся Академии имеют право знать, что у их золотой девочки есть секрет.

– Не имеют! – парировала я. – Что со мной происходит, вообще не твое дело!

– Я был с тобой в тот вечер, Харпер.

– М-м... ну, подержал мои волосы, пока меня тошнило. Велика роль!..

– Подержал волосы? – переспросила Чи.

Дэвид нетерпеливо скривил губы.

– Не суть. – Он снова повернулся ко мне, теперь уже безо всякого сожаления на лице. –

Если я вижу сюжет, который может повлиять на школу, то мой долг как журналиста сообщить об этом.

Я рассмеялась:

– Долг как журналиста? Очнись, Дэвид! – Я схватила со стола газету и обвела ею маленькое помещение с плакатами известных мертвых журналистов и дурацкими цитатами. – Ты пишешь для мельчайшей в мире школьной газетенки. Это... – я потрясла газетой, – ... вообще фальшивка. Ты даже не отдаешь ее в типографию, а распечатываешь на компьютере! Пойми, никому не нужны твои расследования о разладах в самоуправлении, нарушении правил безопасности в столовой или гадкие истории о девушке, которая старается на благо Академии и даже таких мерзавцев, как ты! Поверить не могу, что ты натворил такое, когда...

Я тяжело дышала и комкала газету. Майкл успел сесть за компьютер спиной к нам и явно напрягся, а уши у него покраснели так, что слились с рыжими волосами. Чи оцепенела. Честно говоря, я тоже вроде как оцепенела. Я ведь почти никогда не срывалась и уж точно не при людях. Но вот я задыхаюсь, с меня градом течет пот, лицо горит, а волосы прилипли к влажным щекам и шее.

Это что, часть супергеройства/паладинства? Я что, типа Халк, только не зеленый, а потный? Что со мной не так?!

Ладно, естественно, я пришла в ужас, потому что эта обличительная статейка могла упечь меня за решетку. Но, кажется, причина гнева была куда глубже. Что я вот-вот собиралась ему сказать? Поверить не могу, что ты натворил такое, когда... когда ты так мило повел себя в тот вечер. Вот что я хотела сказать. Я злилась, ведь он плюнул мне в душу.

Я глубоко вдохнула и бросила газету на стол. Аккуратно убрала волосы с лица, усилием воли уняла сердцебиение и надменно расправила плечи.

– В общем, жду письменного опровержения в следующем номере.

Дэвид сложил руки на груди и усмехнулся. Разумеется, на надменность он отвечал элегантно невозмутимостью. Хотя в глазах полыхал огонь.

– Жди сколько угодно, босс.

Если бы я так не злилась, то промолчала бы. Но Дэвид надавил на слишком много больных мест, и я ухмыльнулась в ответ:

– Отзови статью, или я пожалуюсь в школьный совет.

Его усмешка дрогнула.

– Второй раз, да? Разве не жаловался какой-то парень из дискуссионного клуба, когда ты в сентябре обвинил его в жульничестве? – Я закатила глаза, словно припоминая. – И разве не говорила твоя тетушка, что еще один выговор, и ты можешь попрощаться с газетой? Я вроде слышала, как она упомянула это при моей маме на репетиции Котильона.

От промелькнувшего на лице Дэвида неприкрытого ужаса мне чуть плохо не стало. Как и от собственного голоса. Он до боли напомнил голос Ли-Энн.

Ты ведь не подлая, Харпер, он сам вынудил тебя так поступить.

Дэвид быстро пришел в себя.

– Справедливо, босс. В следующем выпуске.

– Благодарю.

Я кашлянула, подхватила сумку с книгами и уже повернулась на выход, когда Дэвид меня окликнул:

– Харпер?

– Что?

Он помолчал, словно пытаюсь решить, стоит ли продолжать. Может, как и я, не хотел говорить что-то злобное.

– Знаешь, статьи или что – неважно, я правда думал, ты выше этого, – наконец произнес он. – Приятно осознавать, что ты действительно лишь очередная школьная стерва.

Кажется, я вспомнила слова доктора Дюпона прямо перед тем, как он чуть меня не убил. Или я хоть немного понимала, что Дэвид прав. Или просто я очень, очень не люблю, когда меня обзывают. Неважно почему – моя правая рука взметнулась к его лицу. Я даже забыла про суперсилу, а ведь с ней вполне могла снести ему голову с плеч.

Вот только ладонь замерла в воздухе, не долетев до щеки Дэвида. И не потому, что я вдруг засомневалась. Скорее, будто натолкнулась на невидимую стену.

Он дернулся, ожидая пощечины, но открыл глаза и уставился на мою зависшую руку. Не знаю, кто из нас удивился больше. Я замахнулась и ударила снова. Опять ладонь словно на стекло наткнулась.

Я попробовала левой, а Дэвид зажмурился, втянув голову в плечи. И опять то же самое. Только теперь уже обе ладони зависли у его лица.

Дэвид открыл глаза и в замешательстве уставился на мои руки:

– М-м... Харпер? Так ты ударишь или нет?

Я стояла и тоже смотрела на свои руки. Ударить его очень хотелось, но, очевидно, не получится. Поэтому я уронила руки и вздернула подбородок.

– А не ударю, – сказала я, вложив в интонацию «потому что я куда лучше, чем ты».

– Ла-а-адненько, – медленно произнес Дэвид. Позади него кто-то подавил смешок, и я поняла, что эта маленькая странная история займет свое место рядом с опровержением на следующей неделе.

– Увидимся, ребята, – пробормотала я, хватая сумку.

Звонок застал меня посреди коридора, я как раз пробегала мимо туалетов. Полицейских лент там не было, и хорошо. Я повернула за угол, прошла по коридору с классами истории и заглянула в кабинет доктора Дюпона. У доски стояла миссис Хиллард, учительница на замене, которая вела у нас пару уроков. То, что я вытворила в нашем дворе, убедило меня, что бой с доктором Дюпоном был на самом деле. Однако, увидев миссис Хиллард, я вздохнула с огромным облегчением. Ма-а-аленькая (ладно, не такая уж маленькая) часть меня до смерти боялась прийти в школу и встретить там доктора Дюпона и мистера Холла.

Но их совершенно точно не было, а я стала супергероем... э-э, паладином. Разве случай с Дэвидом это не доказал? Хранителю и защитнику не положено раздавать тут пощечины направо и налево. Просто тело не позволит, настолько я хороша.

Или же дело в Дэвиде.

Мысль засела в голове и заставила замереть. В определении слова «паладин» сказано, что мы защищаем места или... людей. Но зачем Дэvidу паладин? Разве что существует группировка по избавлению мира от самодовольных гадов... Тогда я совсем не на той стороне.

А ведь проверить, не могу я навредить только Дэvidу или людям вообще, очень легко. Я оглянулась по сторонам и заметила Брэндона у шкафчика.

– Брэн! – позвала я и помахала ему, подзывая.

Экспериментировать на Брэндоне было как-то не очень хорошо. Как пнуть щенка. Тупого, извращенного, но все равно щенка.

– Харпер, ты как? В газете написано, что в пятницу тебе было плохо, и Би сказала, вы не общались на выходных, и...

– Все нормально. Отравилась. Слушай, ты не против, если я... м-м... ну, эксперимент на тебе проведу?

Он просиял и глянул на меня – в своем представлении эротично, но в реальности – глупо.

– А для эксперимента надо раздеваться?

– Брэндон. Твой лучший друг – мой парень. А моя лучшая подруга – твоя девушка.

Он пожал плечами и отбросил с глаз волосы. Они у него чуть темнее, чем у Би, скорее золотистые. Хотя он и привлекательный, как типичный спортсмен, но не мой тип. Многовато мышц, маловато мозгов.

– И что?

Ну, теперь ударить его было вовсе не стыдно. Я занесла руку и двинула его по щеке с очень приятным для ушей шлепком. Брэндон вскрикнул.

– Прости! – воскликнула я. – Ты... у тебя там жук сидел. Ладно, увидимся, пока!

Я ворвалась в класс. Руку покалывало, мысли бурлили. Обычно спецкурс по истории Европы – мой любимый, но не сегодня. Я даже ничего не записывала. Почти все время думала, почему Брэндона ударить получилось, а Дэвида – нет. Ведь если я паладин для Академии, то не могу бить никого из учеников!

Я написала в тетради:

Б. сказал обидную вещь – он скотина, смогла врезать.

Имеет смысл. Потом я продолжила:

Д. тоже сказал обидную вещь, назвал стервой. Не смогла врезать.

И ниже:

Повела себя как стерва с Д., заслужила. Д. не скотина, не смогла врезать.

Очевидно, проверить надо на ком-то совершенно невинном. Если не смогу ударить, то я права, и моя задача – защищать Академию. Если смогу... брр, даже думать не хочется.

Я заметила Лиз Уокер, через парту вперед от меня. Мы пересекались на некоторых уроках, но друзьями не были. Их группу кое-кто называл «набожной»; другие, менее вежливые, называли их «фанатиками». В общих чертах, если искать милейшего человека в Академии, то вон она, Лиз.

Поэтому я, стора от стыда, выудила ручку из сумки и бросила в Лиз. Если я паладин Академии, то ручка замрет в дюйме от ее блестящих светлых волос. Не замерла. Ручка угодила Лиз прямо в затылок, и я вздрогнула. Лиз вскрикнула и закрутилась, держась за голову. Ее глаза сверкнули не очень-то набожной злостью.

– Харпер? – Учительница, миссис Форд, посмотрела на меня в полном замешательстве. – Харпер, – повторила она, – ты что... бросила ручкой в Лиз?

Теперь на меня уставился весь класс. Я ответила лучшей из своих улыбок.

– Нет, что вы, миссис Форд! Просто... э-э... я очень быстро записывала, столько ведь интересного, а у меня, ну, лосьон на руках. В общем, ручка выскользнула и попала в Лиз. – Я

повернулась к ней: – Прошу прощения. Чистая случайность!

– Ничего страшного, – сказала Лиз, хмурясь и потирая затылок.

Миссис Форд пожала плечами.

– Ладно, будь осторожнее, – произнесла она.

– Конечно! – пискнула я и вернулась к тетрадке.

Сердце колотилось как бешеное, во рту пересохло. Черт возьми. Хорошо, у меня есть благое дело. Но не Академия. А Дэвид Старк.

Следующие три урока прошли как-то мимо. Впервые в жизни я вообще ничего не конспектировала. Просто сидела, смотрела и думала.

Мистер Холл защищал Дэвида. Доктор Дюпон пытался Дэвида убить. Теперь защищать Дэвида надо мне. Может, кто-то еще захочет его прикончить. Только зачем? Конечно, он бесит, но не убивать же за это. И если мистер Холл защищал его, то вопрос: по своей воле? Я-то уж точно нет. Что, если я просто... не буду? Можно передать силы кому-то другому?

К началу перемены я совершенно четко осознала одно: мне срочно необходим наставник. Я узнала все, что смогла раскопать в одиночку; самое время появиться моему Джайлсу или профессору Икс.

Я повесила сумку на плечо и пошла на ленч, но тут сообразила: вряд ли Джайлс/профессор Икс продефилирует в столовую, полную подростков. Нет, мне надо остаться одной.

А вот тут проблема. Академия маленькая, так что ученики шастали почти везде. Я застыла на ступеньках «Уоллас-холла» и рассматривала уже начавший заполняться двор. В любую минуту могут появиться Райан, Би и Брэндон. Я глянула на Нэш. Там располагаются столовая и классы по искусству – единственная некрасивая, низкая постройка с коричневой штукатуркой... Из дверей с контейнером в руках вышла Би. Ее окружали Аманда, Эбигейл и Мэри-Бет, а она смотрела через плечо и смеялась над кем-то позади. Скорее всего над Брэндоном, значит, Райан неподалеку.

Пойти поздороваться? Я даже спустилась по ступенькам. Но как только шагнула по земле, вместо того чтобы пойти через двор, меня понесло налево, к часовне, в самый дальний угол школьной территории. Конечно! В часовне проходили только собрания, а так она пустовала. К тому же одной стороной она была обращена к лесу. Не найти идеальнее места для супергеройских наставлений.

Часовня в общем-то очень красивая. Жаль, ею редко пользуются. Она построена из светло-серого камня. С каждой стороны – витражные окна. Обходя часовню, я решила на следующем собрании самоуправления обсудить, как ее чаще использовать. На Рождество, например. Если, правда, я все еще буду в самоуправлении. Вдруг мой профессор Икс велит бросить все занятия? Вдруг придется вообще бросить школу? И ходить в школу для ребят с такими же суперспособностями? А есть вообще такие ре...

Я обогнула часовню и остолбенела. На ступеньках, где я думала дожидаться наставника, сидел Дэвид Старк.

– Ты?! – вырвалось у меня.

Кажется, я еще и ногой топнула. Дэвид вытаращился.

– Харпер? – промычал он с набитым ртом.

– Что ты здесь забыл? – Я расправила плечи.

Старк дожеввал бутерброд, встал, отряхивая руки о штаны, и начал было говорить, как вдруг с перекошенным лицом схватился за виски. Я невольно подалась вперед:

– Что с тобой?

Дэвид моргнул и провел рукой по лбу.

– Голова болит. С неделю уже. Много за компом сижу, наверное. – Он вытащил аспирин и надорвал зубами упаковку. – Поэтому-то я здесь. В столовой шумно. А ты тут что забыла,

босс? Почему не на ленче со всей свитой?

Черт, как я не придумала отговорку на такой случай!.. Впрочем, она нашлась сама собой. Я опустила глаза и поковыряла каблуком землю:

– Все лезут с расспросами из-за твоей статьи. Мне стыдно.

Дэвид не сводил изучающего взгляда с меня, а я с него. Вот зачем ему телохранитель со сверхспособностями, а? Он же простой школьник, разве что одевается ужасно: сегодня напялил поношенные вельветовые штаны, ярко-зеленую футболку и слишком тесный темно-синий блейзер... Да кто ты есть-то? Что в тебе такого важного, Дэвид чертов Старк?!

От его смеха я вздрогнула. Старк, обычно хмурый, сиял улыбкой в тридцать два зуба.

– Врать ты не умеешь. Сначала сцены якобы боишься, теперь такая «стесняшка»...

– И стесняюсь! – крикнула я.

Он захохотал. Я подхватила камешек и швырнула в него. Камень замер в воздухе, не долетев, и рухнул на землю. Дэвид так упоенно веселился, что даже не заметил. Понятно, что камешек не попал бы в цель, но так хотелось что-то швырнуть. Профессору Джайлсу Икс точно не понравится, что я бросаюсь камнями в парня, которого мне надо защищать.

– Какого хрена, что тут смешного, – пробормотала я на всякий случай, вдруг он все слышит.

Смех затих, и Дэвид уставился на меня с искренним любопытством:

– Зачем ты так делаешь?

– Как делаю? – Я убрала выбившуюся прядь под обруч.

– Говоришь «хрен», например. Почему не говоришь настоящие слова?

Я вздохнула, бросив взгляд на лес. Если мой профессор Джайлс Икс там, то уж точно сейчас не появится. Вот и посидела в одиночестве...

– Не считаю, что их нужно использовать в приличном обществе. Ведь есть столько отличных эвфемизмов.

Дэвид пристально смотрел на меня:

– Боже мой, с какой ты планеты?

Я вскинула ладони.

– Забудь, ага? Я и не думала, что ты поймешь. Как не понимаешь, почему Академия для меня столько значит, или почему я не хочу, чтобы твоя дурацкая газета писала о моих проблемах, или почему я захотела поесть в кои-то веки одна.

Ну вот, снова! Снова кричу, стоит поговорить с Дэвидом дольше пяти минут. Надо уйти. Остается еще куча времени, чтобы провести его с Райаном. Да, кстати... Я достала телефон из сумки. Райан отправил мне сообщение как раз пять минут назад: «Ты где?» И еще одно, три минуты назад: «Все норм?»

– Я пойду, – сказала я.

Дэвид схватил меня за руку. Он оказался так близко, что я различила едва заметную светлую щетину у него на подбородке, а когда он заговорил – мельчайший скол на переднем зубе.

– Харпер, послушай. Я просто хочу объяснить... про то, как я тебя назвал, и...

– Без проблем, – отмахнулась я, не отрывая взгляда от телефона.

Заиграла «Sexu Vack», звонок Райана (он сам выбрал и установил). Отвечать не хотелось, все равно вот-вот увидимся. И не хочу врать ему в присутствии Дэвида. Лишний компромат. Прямо слышу: «Зачем наврала парню о том, где ты? Зачем вообще сюда пришла? Может, это ты доктора Дюпона убила?» Впрочем, до последнего еще надо додуматься.

Я взглянула на Дэвида, даже не пытаюсь скрыть злость. Телефон наконец-то замолчал.

– Все хорошо, ага? Я тоже зря ляпнула про школьный совет и твою тетю. Извини. –

Опять звонок. Райан, должно быть, жутко волнуется. – Пора бежать.

Но Дэвид так просто не отцепился. Ни от темы, ни от моей руки.

– Ладно, а почему ты мне так и не врезала? Очень даже собиралась, но не врезала. Будто не смогла.

Великолепно, он заметил.

– Дэвид, слушай, давай потом поговорим? Меня парень ищет, мне пора...

– Харпер?

Ох, че-е-ерт... Я обернулась. Из-за угла вышел Райан.

– Привет, – попыталась улыбнуться я.

Может, если я буду сиять, он не подумает, что наша с Дэвидом ссора за часовой какой-то необычная. Однако Райан даже не посмотрел на меня. Он впился взглядом в Старка, который возвышался над ним на четыре дюйма. Да что происходит?!

Дэвид убрал руку.

– Пустяки, старик. Мы о газете говорили, и все.

Райан смотрел куда-то между нами. На лице у него застыло незнакомое выражение. Я не сразу сообразила, что он злится. Даже не злится. В ярости. А ведь Райан никогда не выходил из себя.

– Почему ты не оставишь ее в покое? – Он никогда не смотрел так холодно. – Да, она лучше тебя по всем предметам, но что она тебе сделала?

Дэвида, должно быть, точно так же испугал злобный вид Райана, как и меня. Он побледнел и вытаращил глаза.

– Послушай, извини. Ты прав. Я вел себя как сволочь, но клянусь, я не доставал ее. Я пришел сюда раньше, а она...

– Заткнись. – Райан поднял ладонь. – Неважно, с чего ты начал свою маленькую войну с Харпер, ты ни одного чертова слова о ней больше не напишешь. Я запрещаю тебе с ней разговаривать. Даже смотреть на нее запрещаю.

Знаю, Райан пытался меня защитить, и, наверное, я должна была прийти в восторг, ведь бойфренд сделался прямо-таки альфа-самцом ради меня, – однако мне это не понравилось.

– Я ведь сказала, что разберусь.

– Но не разобралась, – чересчур громко парировал Райан. Ветерок утих, даже листья не шелестели. Трудно представить, что всего в нескольких сотнях футов едят, болтают и смеются ребята. – Он просто скотина, а ты годами это терпишь. Знаю, ты выслуживаешься перед его теткой и вообще хочешь быть милой с людьми, но черт!.. Не обязательно становиться ковриком для ног.

– Я не выслуживаюсь! – воскликнула я, а Дэвид шагнул вперед со словами:

[Купить полную версию книги](#)